

Струве П. Великая Россия filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

П. Б. Струве Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества
П. Б. Струве – политический деятель, философ, экономист, публицист. На рубеже веков разделял взгляды "легальных марксистов", редактировал журналы легального марксизма "Новое слово" и "Начало". С 1902 по 1905 год являлся редактором нелегального заграничного журнала "Освобождение", вокруг которого сгруппировалось ядро будущей партии конституционных демократов (кадетов).

В период первой русской революции издавал журнал "Полярная звезда", в котором развивались идеи этой партии.

В 1907 году известный русский журнал "Русская мысль", оставшийся после смерти В. Гольцева без руководителя, переходит в руки П. Б. Струве и А. А. Кизеветтера. В первом номере журнала за 1908 год П. Б. Струве опубликовал нашумевшую статью "Великая Россия", где призывал интеллигенцию "пропитаться духом государственности", а национальной идеей современной России считал "примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией".

Идеи этой статьи были подхвачены участниками проходивших в Москве в 1908 году "Экономических бесед", где выступали представители крупного капитала, члены Думы и Госсовета, ученые.

Вокруг "Русской мысли" объединились представители общественной мысли, разделявшие идеи сборника "Вехи", который вышел в 1909 году и вызвал ожесточенную полемику.

Посвящается Николаю Николаевичу Львову

Одну из своих речей в Государственной Думе, а именно программную речь по аграрному вопросу, П. А. Столыпин закончил следующими словами: "Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия" {Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия II, заседание 36,10, V, 1907 г.}.

Мы не знаем, оценивал ли г. Столыпин все то значение, которое заключено в этой формуле: "Великая Россия". Для нас эта формула звучит не как призыв к старому, а, наоборот, как лозунг новой русской государственности – государственности, опирающейся на "историческое прошлое" нашей страны и на живые "культурные традиции", и в то же время творческой и, как все творческое, в лучшем смысле революционной.

Обычная, я бы сказал, банальная точка зрения благонамеренного корректного радикализма рассматривает внешнюю политику и внешнюю мощь государства как досадные осложнения, вносимые расовыми, национальными или даже иными историческими моментами в подлинное содержание государственной жизни, в политику внутреннюю, преследующую истинное существо государства, его "внутреннее" благополучие.

С этой точки зрения всемирная история есть сплошной ряд недоразумений довольно скверного свойства.

Замечательно, что с банальным радикализмом в этом отношении совершенно сходится банальный консерватизм. Когда радикал указанного типа рассуждает: внешняя мощь государства есть фантом реакции, идеал эксплуататорских классов; когда он, исходя из такого понимания, во имя внутренней политики отрицает внешнюю, он в сущности рассуждает совершенно так же, как рассуждал В.К. фон Плеве. Как известно, фон Плеве был один из тех людей, которые толкали Россию на войну с Японией, толкали во имя сохранения и упрочения самодержавно-бюрократической системы.

Государство есть "организм" – я нарочно беру это слово в кавычки, потому что вовсе не желаю его употреблять в доктринальном смысле так называемой "органической" теории, – совершенно особого свойства.

Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно объявить его "отношением" или системой "отношений". Это не уничтожает того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия.

Для государства верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, то есть не только юридическое "самодержавное" или "суверенное", но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным – значит обладать непременно "внешней" мощью. Ибо из стремления государства к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в действительности (de facto) добычей для государства сильного.

Отсюда явствует, на мой взгляд, как превратна та точка зрения, в которой объединяется банальный радикализм с банальным консерватизмом или, скорее, с

Струве П. Великая Россия filosoff.org
реакционерством, и которая сводится к подчинению вопросу о внешней мощи государства вопросу о так или иначе понимаемом его "внутреннем благополучии".

Русско-японская война и русская революция, можно сказать, до конца оправдали это понимание. Карой за подчинение внешней политики соображениям политики внутренней был полный разгром старой правительственной системы в той сфере, в которой она считалась наиболее сильной, - в сфере внешнего могущества. А с другой стороны, революция потерпела поражение именно потому, что она была направлена на подрыв государственной мощи ради известных целей внутренней политики. Я говорю: "потому, что"; но, быть может, правильнее было бы сказать: "постольку, поскольку".

Таким образом, и в этой области параллелизм между революцией и старым порядком обнаруживается прямо поразительный!

Рассуждение банального радикализма следует поставить вверх ногами.

Отсюда получается тезис, который для обычного русского интеллигентного слуха может показаться до крайности парадоксальным:

Оселком и мерилom всей так называемой "внутренней" политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует так называемому внешнему могуществу государства?

Это не значит, что "внешним могуществом" исчерпывается весь смысл существования государства; из этого не следует даже, что внешнее могущество есть верховная ценность с государственной точки зрения; может быть, это так, но это вовсе не нужно для того, чтобы наш тезис был верен. Но если верно, что всякое здоровое и держащееся самим собой государство желает обладать внешней мощью - в этой внешней мощи заключается безошибочное мерило для оценки всех жизненных отправлений и сил государства, и в том числе и его "внутренней политики".

Относительно современной России не может быть ни малейшего сомнения в том, что ее внешняя мощь подорвана. Весьма характерно, что руководитель нашей самой видной "националистической" газеты в новогоднем "маленьком письме" утешается тем, что нас никто в предстоящем году не обидит войной, так как мы "будем вести себя смирно". Трудно найти лозунг менее государственный и менее национальный, чем это: "будем вести себя смирно". Можно собирать и копить силы, но великий народ не может - под угрозой упадка и вырождения - сидеть смирно среди движущегося вперед, растущего в непрерывной борьбе мира. Давая такой пароль, наша реакционная мысль показывает, как она изумительно беспомощна перед проблемой возрождения внешней мощи России.

Для того чтобы решить эту проблему, нужно ее поставить правильно, то есть с полной ясностью и в полном объеме.

Хотя бы воззрение обвиняет русскую внешнюю политику, политику "дипломатическую" и "военно-морскую" в том, что мы были не подготовлены к войне с Японией. Мне неоднократно, во время самой войны на страницах "Освобождения" и позже, приходилось указывать, что ошибка нашей дальневосточной политики была гораздо глубже, что она заключалась не только в методах, но - что гораздо существеннее - в самых целях этой политики. У нас до сих пор не понимают, что наша дальневосточная политика была логическим венцом всей внешней политики царствования Александра III, когда реакционная Россия, по недостатку истинного государственного смысла, отвернулась от Востока Ближнего.

В перенесении центра тяжести нашей политики в область, недоступную реальному влиянию русской культуры, заключалась первая ложь нашей внешней политики, приведшей к Цусиме и Портсмуту. В трудностях ведения войны это сказало с полной ясностью. Японская война была войной, которая велась на огромном расстоянии и исход которой решался на далеком от седалища нашей национальной мощи море. Этими двумя обстоятельствами, вытекшими из ошибочного направления всей приведшей к войне политики, определилось наше поражение.

Те же самые обстоятельства, которые в милитарном отношении обусловили конечный итог войны, определили полную бессмысленность нашей дальневосточной политики и в экономическом отношении. Осуществлять пресловутый выход России к Тихому океану с самого начала значило, в смысле экономическом, - *travailler pour l'empereur de Japon*. Успех в промышленном соперничестве на каком-нибудь рынке, при прочих равных условиях, определяется условиями транспорта. Совершенно ясно, что, производя товары в Москве (подразумеваемая под Москвой весь московско-владимирский промышленный район), в Петербурге, в Лодзи (подразумеваемая под Лодзью весь польский район), нельзя за тысячи верст железнодорожного пути конкурировать не только с японцами, но даже с немцами, англичанами и американцами. Гг. Абаза, Алексеев и Безобразов "открывали" Дальний Восток не для России, а для иностранцев. Это вытекало из географической "природы вещей". В своем

заграничном органе я категорически восставал против дискредитирования нашей армии на основании тех неудач, которые она терпела, указывая на то, что политика задала армии, как своему орудию, задачу по существу невыполнимую {В особенности резко выражено это было в передовой статье № 47 Освобождения от 2-го мая 1904 г., где я писал: "русская армия побеждала не раз, но, если она тут не победит, знайте, что перед ней была нелепая задача".}.

Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область - весь бассейн Черного моря, то есть все европейские и азиатские страны, "выходящие" к Черному морю.

Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис: люди, каменный уголь и железо. На этом реальном базисе - и только на нем - неустанной культурною работой, которая во всех направлениях должна быть поддержана государством, может быть создана экономически мощная Великая Россия. Она должна явиться не выдумкой реакционных политиков и честолюбивых адмиралов, а созданием народного труда, свободного и в то же время дисциплинированного. В последнюю эпоху нашего дальневосточного "расширения" мы поддерживали экономическую жизнь Юга отчасти нашими восточными предприятиями. Отношение должно быть совершенно иное. Наш Юг должен излучать по всей России богатство и трудовую энергию. Из Черноморского побережья мы должны экономически завоевать и наши собственные тихоокеанские владения.

Основой русской внешней политики должно быть, таким образом, экономическое господство России в бассейне Черного моря. Из такого господства само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на все-таки называемом Ближнем Востоке. Такое преобладание именно на почве экономического господства осуществимо совершенно мирным путем. Раз мы укрепимся экономически и культурно на этой естественной базе нашего могущества, нам не будут страшны никакие внешние осложнения, могущие возникнуть помимо нас. В этой области мы будем иметь великолепную защиту в союзе с Францией и в соглашении с Англией, которое в случае надобности может быть соответствующим образом расширено и углублено. Историческое значение соглашения с Англией, состоявшегося в новейшее время и связанного с именем А. П. Извольского, в том и заключается, что оно, несмотря на свою кажущуюся новизну, по существу является началом возвращения нашей внешней политике домой, в область, указываемую ей русской природой, и русской историей. С традициями, которые потеряли жизненные корни, необходимо рвать смело, не останавливаясь ни перед чем. Но традиции, которые держатся сильными, здоровыми корнями, следует поддерживать. К таким живым традициям относится вековое стремление русского племени и русского государства к Черному морю и омываемым им областям. Донецкий уголь, о котором Петр Великий сказал: "сей минерал, если не нам, то нашим потомкам весьма полезен будет", - такой фундамент этому стремлению, который значит больше самых блестящих военных подвигов. Без всякого преувеличения можно сказать, что только на этом черном "минерале" можно основать Великую Россию.

Из такого понимания проблемы русского могущества вытекают важные выводы, имеющие огромное значение для освещения некоторых основных вопросов текущей русской политики. Это относится как к вопросам внутриполитическим, в том числе так называемым "национальным", а в сущности "племенным", так и к вопросам внешнеполитическим с вытекающими из них проблемами военно-морскими. Вся область этих вопросов освещается совершенно новым светом, если ее рассматривать под углом зрения Великой России. Этот угол зрения позволяет видеть лучше и дальше, чем обычные позиции враждующих направлений и партий.

Сперва - о политике общества, а потом - о политике власти.

Политика общества определяется тем духом, который общество вносит в свое отношение к государству. В другом месте я покажу, как в связи с разными влияниями в русском обществе развивался и разливался враждебный государству дух. Дело тут вовсе не в революции и "революционности" в полицейском смысле. Может быть революция во имя государства и в его духе; таким революционером-государственником был Оливер Кромвель, самый мощный творец английского государственного могущества. Враждебный государству дух сказывается в непонимании того, что государство есть "организм", который во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины, основному условию государственной мощи. Дух государственной дисциплины был чужд русской революции. Как носители власти до сих пор смешивают у нас себя с государством, так большинство тех, кто боролся и борется с ними, смешивали и смешивают государство с носителями власти. С двух сторон, из двух, по-видимому, противоположных исходных точек, пришли к одному и тому же

противогосударственному выводу.

Это обнаружилось в "забастовочной" тактике, усвоенной русской революцией в борьбе с самодержавно-бюрократическим правительством. Основываясь на успехе, который имела стихийная "забастовка", повлекшая за собой Манифест 17 октября, стали паралич хозяйственной жизни упражнять как тактический прием. Что означала эта "тактика"? Что средством в борьбе с "правительством" может быть разрушение народного хозяйства. Известный манифест Совета рабочих депутатов и примкнувших к нему организаций призывал прямо к разрушению государственного хозяйства.

Теперь должно быть ясно, что эти действия и лозунги не были "тактическими ошибками", "нерассчитанной" пробой сил и т.п. Они были внушены духом, враждебным государству как таковому, потому что они подрывали не правительство, а ради подрыва правительства разрушали хозяйственную основу государства и тем самым государственную мощь.

Эти действия и лозунги были внушены духом, враждебным культуре, ибо они подрывали самую основу культуры - дисциплину труда. Если можно в двух словах определить ту болезнь, которою поражен наш народный организм, то ее следует назвать исчезновением или ослаблением дисциплины труда. В бесчисленных и многообразных явлениях жизни обнаруживается эта болезнь.

Политика общества и должна начать с того, чтобы на всех пунктах национальной жизни противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и с нею не считающемуся, и противокультурному духу, отрицающему дисциплину труда, противопоставить новое политическое и культурное сознание. Идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда - вместе с идеей права и прав - должны образовать железный инвентарь этого нового политического и культурного сознания русского человека.

Характеризуемая таким образом правильная политика общества есть проблема не тактическая, а идейная и воспитательная, на чем я уже настаивал в своей статье "Тактика или идеи?" {Русская Мысль, 1907 г., август.}. Великая Россия для своего создания требует от всего народа и прежде всего от его образованных классов признания идеала государственной мощи и начала дисциплины труда. Ибо созидать Великую Россию - значит созидать государственное могущество на основе мощи хозяйственной.

Политика власти начертана ясно идеалом Великой России. То состояние, в котором находится в настоящее время Россия, есть - приходится это признать с величайшей горечью - состояние открытой вражды между властью и наиболее культурными элементами общества. До событий революции власть могла ссылаться - хотя и фиктивно - на сочувствие к ней молчаливика-народа. После всего, что произошло, после первой и второй Думы, подобная ссылка невозможна. Разрыв власти с наиболее культурными элементами общества есть в то же время разрыв с народом. Такое положение вещей в стране глубоко ненормально; в сущности, оно есть тот червь, который всего сильнее подтачивает нашу государственную мощь. Неудивительно, что политика, которая упорно закрывает глаза на эту основную язву нашей государственности, вынуждена давать лозунг: "будем вести себя смиренно". Государство, которое разъедаемо такой болезнью, может сказать еще больше: "будем умирать". Но государство сильного, растущего, хотя бы больного народа не может умереть. Оно должно жить.

Положение осложняется еще разноплеменностью населения, составляющего наше государство. С одной стороны, если бы население России было одноплеменным, чисто русским, существование власти, находящейся в открытом разрыве с народом, вряд ли было бы возможно. С другой стороны, наших "инородцев" принято упрекать в том, что они заводчики революции. Объективно-психологически следует признать, наоборот, что вся наша реакция держится на существовании в России "инородцев" и им питается. "Инородцы" - последний психологический ресурс реакции.

Из вопросов "инородческих" два самых важных - "еврейский" и "польский". Рассмотрим их с точки зрения проблемы русского могущества.

По отношению к вопросу "еврейскому" власть держится "политики страуса". Она не признает предмета, которого не желает видеть. Центр тяжести политического решения еврейского вопроса заключается в упразднении так называемой черты оседлости. С точки зрения проблемы русского могущества, "еврейский вопрос" вовсе не так несуществен, как принято думать в наших *soit-disant* консервативных кругах, пропитанных "нововременством". Если верно, что проблема Великой России сводится к нашему хозяйственному "расширению" в бассейне Черного моря, то для осуществления этой задачи и вообще для хозяйственного подъема России евреи представляют элемент весьма ценный. В том экономическом завоевании Ближнего Востока, без которого не может быть создано Великой России, преданные русской государственности и привязанные к русской культуре евреи прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников {Любопытно, что это недавно доказывалось в весьма обстоятельной

статье официального Вестника Финансов. См. статью "Ближневосточные рынки" в No 45 в 1907 г.}. Таким образом, нам, ради Великой России, нужно создавать таких евреев и широко ими пользоваться. Очевидно, что единственным способом для этого является последовательное и лояльное осуществление "эмансипации" евреев. По существу, среди всех "инородцев" России – несмотря на все антисемитические вопли – нет элемента, который мог бы быть легче, чем евреи, поставлен на службу русской государственности и ассимилирован с русской культурой.

С другой стороны, нельзя закрывать себе глаза на то, что такая реформа, как "эмансипация" евреев, может совершиться с не меньшим психологическим трением в атмосфере общего хозяйственного подъема страны. Нужно, чтобы создался в стране такой экономический простор, при котором все чувствовали бы, что им находится место "на пиру жизни". Разрешение "еврейского вопроса" таким образом неразрывно связано с экономической стороной проблемы Великой России: "эмансипация" евреев психологически предполагает хозяйственное возрождение России, а с другой стороны явится одним из орудий создания хозяйственной мощи страны.

"Польский вопрос", с той точки зрения, с которой мы разбираем здесь вообще вопросы русской государственности, является вопросом политическим или международно-политическим *par excellence*. Чтобы там ни говорили, в хозяйственном отношении Царство Польское нуждается в России, а не наоборот. Русским экономически почти нечего делать в Польше. Россия же для Польши ее единственный рынок.

Принадлежность Царства Польского к России есть для последней чистейший вопрос политического могущества. Всякое государство до последних сил стремится удержать свой "состав", хотя бы принудительных хозяйственных мотивов для этого не было. Для России, с этой точки зрения, необходимо сохранить в "составе" Империи Царство Польское. А раз оно должно быть сохранено в составе Империи, то необходимо, чтобы население его было довольно своей судьбой и дорожило связью с Россией, было морально в ней прикреплено. Это было бы важно во всяком случае для "внутреннего" спокойствия этой части Империи. Но эта сторона дела, с точки зрения проблемы могущества, отступает даже на задний план перед значением, принадлежащим польскому вопросу в виду того международного "положения", в которое, волею истории, вдвинута Россия.

Существует в широкой публике мнение, что на Царство Польское может посягнуть в удобный момент Германия. Это недоразумение, основанное на полном незнакомстве с политическими отношениями Германия. Германии не нужно ни пяди земли, населенной польским народом. Для Германии было бы безумием ввести в свой немецкий государственный состав новые миллионы поляков – и без того Пруссия не может переварить Познани. Германия, с ее историческими традициями, не может превратиться в государство с сильным инородческим элементом. Более того, она не может превратиться в государство с преобладающим католическим населением. Вот почему Германия не может (и не желает) поглотить немецкие земли Австрии. Такое поглощение изменит соотношение культурных сил, даст католикам решающую силу в Германии.

Польская политика Пруссии, с точки зрения международного положения Германии, представляет грубейшую ошибку, на что неоднократно указывал Ганс Дельбрюк в своих *Preussische Jahrbücher*. Эта ошибка проходит Германии даром только потому, что русское правительство ведет политику, с точки зрения государственной мощи и государственной безопасности России, еще более ошибочную. Пруссия стремится – *per fas et nefas* – германизовать Познань; идея руссификации Польши в том смысле, в каком немцы германизируют (или, вернее, стремятся германизовать) свои польские области, совершенно несбыточная утопия. Денационализация русской Польши недоступна ни русскому народу, ни русскому государству. Между русскими и поляками на территории Царства Польского никакой культурной или национальной борьбы быть не может: русский элемент в Царстве представлен только чиновниками и войсками.

Обладание Царством Польским есть для России вопрос не национального самосохранения, а политического могущества.

Польская политика России, с этой точки зрения, должна быть совершенно ясна. Опираясь на экономическую прикреплённость Польши к России, мы должны воспользоваться ее принадлежностью к Империи для того, чтобы через нее скрепить наши естественные связи с славянством вообще и западным в частности. Польская политика должна служить нашему сближению с Австрией, которая теперь является по преимуществу державой славянской. Либеральная польская политика в огромной степени подымет ваш престиж в славянском мире и психологически совершенно естественно создаст впервые в истории, моральную связь между нами и Австрией, как государством.

В экономическом отношении мы будем даже конкурентами на Ближнем Востоке, но эта конкуренция будет смягчаться и сглаживаться морально-политической

солидарностью.

Такова та положительная миссия, которая принадлежит разумной польской политике России в деле укрепления ее внешней мощи. Но гораздо важнее ее отрицательная миссия или функция. Всякое здоровое, сильное государство – сказали мы выше – желает быть могущественным. Австрия, с великой избирательной реформой, вступила в период своего внутреннего укрепления, которое будет означать в рост внешней мощи Австро-Венгрии. Славянский характер Австрии вовсе не гарантирует нас от нападения с ее стороны, если мы будем оставаться слабы, так же как культурное и политическое преобладание германского элемента в Австрии до 1866 г. не спасло ее от разгрома Пруссией. Если русская Польша будет по-прежнему очагом недовольства, имеющим теснейшую морально-культурную связь с австрийскими поляками, если Россия, вместо того, чтобы экономически и культурно укрепляться в бассейне Черного моря, будет строить ни для чего ненужный линейный флот, предназначенный для Балтийского моря и Тихого Океана, в один прекрасный день в Европе на западной границе может назреть для нас великая беда.

Теперь еще идея борьбы не на живот, а на смерть с поляками торжествует в Пруссии, но дни ее сочтены. Идея эта свершит свой круг и – хотя бы ради сохранения своей entente с Австрией – Германия вынуждена будет отказаться от своей польской политики. Не следует также упускать из виду, что вообще крушение реакции и торжество либерализма во внутренней политике Германии должно наступить с безошибочностью естественного процесса. В этот момент, если мы не разрешим своего польского вопроса, не создадим по всей и во всей стране действительного, прочного примирения власти с народом, мы можем и неизбежно получим жестокий удар уже не с Востока, а с Запада. У нас в широкой публике, а также в военных сферах существует к Австрии такое же легкомысленное отношение, какое до войны было к Японии. Мы склонны уживаться суворовской фразой: "австрийцы имеют проклятую привычку быть всегда битыми", и можем на собственном теле испытать всю условность подобных афоризмов. Неудачная война с Австрией – при недоброжелательном нейтралитете Германии – в лучшем случае будет иметь для России своим результатом потерю Царства Польского, которое отойдет к Австрии, и потерю Прибалтийского края, который отойдет к Германии. Если обладание русской Польшей не нужно и совершенно неинтересно для Германии, то этого нельзя сказать о Прибалтийском крае. Войдя в состав Германской империи, он сравнительно легко может быть завоеван или, в известном смысле, отвоен для германской культуры. Латыши и эсты будут либо германизованы, либо оттеснены на территорию России, куда они и без того до сих пор выселяются в значительном числе.

Я вовсе не сомневаюсь в полнейшем миролюбии Германии и Австрии и их правительств. Но следует же понимать, что столкновения государств между собой в основе вытекают из конфликтов интересов и из соотношений могущества, а вовсе не из международного бреттерства правительств. Мы должны были бы научиться этому из опыта нашей войны с Японией. Не говоря уже о Бисмарке, даже Наполеон III не был вовсе политическим бреттером.

Можно сказать, что все нарисованные нами перспективы суть только комбинации и предположения. Но то, что слабые государства делают добычей государств более сильных, если они не ограждены противоборством их интересов, это есть не комбинация, а своего рода "закон истории". А в столкновения слабой России с сильной Австро-Венгрией, при недоброжелательном к нам нейтралитете заинтересованной в нашем поражении Германии, ни один палец в Европе не пошевельнется в нашу защиту.

Может ли явиться повод для такого столкновения? Мы ведь в наилучших отношениях и с Австрией, и с Германией. С первой мы вместе действуем на Балканах, как главные великие державы, заинтересованные в турецких делах. Неужели из кооперации может возникнуть конфликт? По этому поводу достаточно на справку напомнить, что конфликту Пруссии с Австрией предшествовала кооперация этих государств против Дании, что войне Японии с Россией предшествовала наша с Японией кооперация против Китая.

Повод всегда найдется, если будет продолжаться ослабление государственной мощи России, которое есть неизбежный результат того, что за разрухой японской войны и революции следует не возрождение страны конституцией, а разложение ее реакцией.

Сигнализировать вовремя эту опасность перед общественным сознанием есть патриотический долг независимой русской печати. Мы можем ошибаться в том или другом конкретном указании, но суть нашего анализа – увы! – соответствует действительному положению вещей.

Из международно-политических перспектив, которые мы начертали, вытекает тот вывод, что наша "внутренняя" политика должна быть поставлена так, чтобы – без ущерба для наших интересов, нашей мощи и нашего достоинства –

психологически устранить самую возможность войны с Австро-Венгрией или (худший для нас случай!) войны с Австро-Венгрией и Германией. Конечно, Россия может просто добровольно сделаться вассалом или сателлитом Германии, но только - пожертвовав исторической миссией, мощью и достоинством государства. Такой выход будет мнимым решением проблемы Великой России. Ключ к действительному ее решению лежит в урегулировании русско-польских отношений. Тут обычно вырывается пугало Германии. Германия-де не потерпит либерального решения польского вопроса. Не говоря уже о том, что принципиально никакое вмешательство в наши внутренние дела нетерпимо, гораздо важнее то, что одна Германия без Австро-Венгрии ничего против России предпринять не может. Против Германии, если она не в союзе с Австро-Венгрией, Россия, даже без всяких формальных союзов и соглашений, *ipso facto* существующего противоборства интересов, имеет за себя и Францию (первоклассная сухопутная держава!), и Англию (решающая сила на море!).

Из сказанного выше следует, что неурегулированность польского вопроса, стоящая вообще в связи с реакционным характером нашей внутренней политики, ставит нас совершенно *à la merci* Германии. Мы либо вынуждены в международных делах и внутренней политике слепо, как вассал, следовать ей, либо будем всегда находиться под угрозой того, что в удобный и желательный для себя момент она выдвинет против нас Австро-Венгрию. Не следует - повторяем - в этом случае предаваться иллюзиям, что славянский характер Австро-Венгрии гарантирует нас от такого оборота дел. Пока мы не ведем настоящей славянской политики, пока мы держим Польшу в "подвластном" положении, пока мы не исполняем своей исторической миссии на Черном море, где находится естественная экономическая основа Великой России, - Австро-Венгрия, даже как славянская держава или, вернее, именно как таковая, обязана стремиться к "расширению" на наш счет.

А Германия из двух возможностей, каковыми являются: 1) одновременный политический рост двух славянских держав, Австро-Венгрии и России, и 2) возвышение на счет России Австро-Венгрии, во всяком случае менее славянской, гораздо ближе стоящей к германскому миру державы - из этих двух политических возможностей Германия обязана, повинаясь здравому государственному эгоизму, выбрать вторую, для нее гораздо более выгодную.

Не следует также думать, что Германия, держава консервативная с строго "легитимными" традициями, будет - вопреки своим государственным интересам - церемониться с консервативной Россией. С легитимными традициями современной Германии дело обстоит весьма своеобразно. Несмотря на весь свой русский легитимизм, Бисмарк упразднил несколько весьма легитимных немецких тронов - не следует забывать, что в гессендармштатский трон уцелел в разгроме 1866 г. исключительно благодаря заступничеству Александра II {Ср. Н. von Sybel. Die Begründung des deutschen Reiches. Band V (München u. Leipzig, 1890), в особ. стр. 391-394.} - и в борьбе с Австрией не останавливался даже перед перспективой союза с венгерской революцией.

Всякая истинно государственная политика, хотя бы она и была во внутренних вопросах весьма консервативна, в борьбе за могущество не останавливается перед такими мелочами, как "легитимность".

Из данного нами освещения вопроса о великой России вытекают совершенно ясные выводы относительно волнующей в настоящее время обществу морской проблемы. В войне с Австрией или с Австрией и Германией вместе такой флот нам ни в чем существенном не поможет. Ни для Германии, ни еще менее для Австрии действия на море против нас не будут иметь решающего значения.

Отсюда ясно, что балтийский флот, как это ни странно, всего менее нужен России.

Великой России на настоящем уровне нашего экономического развития необходимы сильная армия и такой флот, который обеспечивал бы нам возможность десанта на любом пункте Черного моря и в то же время абсолютно обеспечивал бы нас от вражеского десанта в этой области. Другими словами, мы должны быть господами на Черном море. Совершенно ясно, что это осуществимо только при том условии, если мы из числа крупных морских держав будем иметь своим противником там в худшем случае одну Германию, против которой у нас будет всегда "покрытие" в лице Англии и Франции. Против Англии мы и там бороться никогда не сможем. Но ведь вообще реальная политика утверждения русского могущества на Черном море неразрывно связана с прочным англо-русским соглашением, которое для нас не менее важно, чем франко-русский союз. Вообще это соглашение и этот союз суть безусловно необходимые внешние гарантии создания Великой России.

Внутреннее содержание этой проблемы может быть дано только сочетанием правильной внешней политики с разумным разрешением наших внутренних вопросов.

Интеллигенция страны должна пропитаться тем духом государственности, без господства которого в образованном классе не может быть мощного и

Струве П. Великая Россия filosoff.org
свободного государства.

"Правящие круги" должны понять, что если из великих потрясений должна выйти великая Россия, то для этого нужен свободный, творческий подвиг всего народа. В народе, пришедшем в движение, в народе, конституция которого родилась вовсе не из навеянного извне радикализма, а из потрясенного тяжелыми уронами государства патриотического духа, - в этом народе нельзя уже ничего достигнуть простым приказом власти. Из скорбного исторического опыта последних лет народ наш вынес понимание того, что государство есть личность "соборная" и стоит выше всякой личной воли. Это - огромное неопределимое и неистребимое приобретение и оправдание пережитых нами "великих потрясений".

Теперь задача истинных сторонников государственности заключается в том, чтобы понять и расценить все условия, создающие мощь государства. Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов истинной путеводной звездой. Остальное - "блуждающие огни".

Государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи. Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самостоятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись.

В новейшей европейской истории есть замечательный и поучительный пример такого сращения.

В 60-х годах между нацией и властью в руководящей германской державе Пруссии возгорелся жесточайший конфликт, грозивший политической катастрофой. Власть благодаря Бисмарку вышла победительницей из этого конфликта, овладев национальной идеей, чего не сумели сделать ни Стюарты в Англии, ни Бурбоны во Франции. Победа власти, однако, не была ни унижением народа, ни разрушением права. Величие Бисмарка как государственного деятеля заключалось, между прочим, в том, что он никогда не смешивал государство ни с какими лицами. Власть и народ примирились на осуществлении национальной идеи, и объединенная Германия, утверждающая свою внешнюю мощь, сумела органически сочетать исторические традиции с новыми государственными учреждениями на демократической основе всеобщего избирательного права.

Объединение Германии под предводительством Пруссии, которая выбрасывает Австрию из Германии и затем набрасывается на Францию и отнимает у нее завоевания Людовика XIV {когда Тьер, в знаменитой своей поездке по столицам Европы во время войны, встретившись в Вене со своим другом историком Ранке, спросил его, с кем Германия после падения Наполеона ведет войну, Ранке отвечал: "с Людовиком XIV"}, было рядом событий, в которых и современник, и всякий изучающий их теперь не может не чувствовать какой-то роковой силы.

У Бисмарка, когда он ковал германскую империю, вовсе не было готового, до подробностей выработанного плана. Творец событий, он в то же время был влеком ими. Но он, по крайней мере, в каждый данный момент выполнял свою волю и осуществлял дорогу ему идею. О Вильгельме I нельзя сказать даже этого. Прусский король, если бы дела совершались по его воле, никогда бы не был германским императором. Но он должен был стать им. Самая незаметная и в то же время самая трудная и почетная борьба, которую вел Бисмарк во имя государства, велась им не против оппозиции парламента, не против внешнего врага и его дипломатии, а против главы государства. И он, а с ним вместе германская государственность оказались победителями в этой борьбе.

Такова сила национальной идеи, нашедшей себе орудие в государстве, которое стремится увеличить свою мощь. Или, наоборот, такова сила государства, поставившего себе на службу национальную идею. Это - две силы, которые, для того чтобы перевернуть судьбы народов, должны найти одна другую и действовать в полном союзе.

Часто смотрят на эти события с "отвлеченной" точки зрения. Революционеры видят в объединении Германии не торжество национальной идеи, а лишь возвышение консервативной прусской державы - так понимали события многие старые немецкие радикалы 40-х гг.; так оценивают их до сих пор некоторые социал-демократы. Легитимисты видят в этом объединении, поглотившем несколько легитимных тронов и в современной Германии утопившем патриархально-консервативную Пруссию с ее старыми государственными традициями, не столько торжество государственности, сколько победу странного, противоречивого союза военно-монархической мощи с революционной идеей - так смотрели на события не только ганноверские легитимисты; так чувствовали и представители старого прусского духа, вроде генерала Роона и даже самого Вильгельма I.

Первые заблуждаются в том, что не видят связи национальной идеи с государственной мощью. Вторые фантазируют о возможности поставить государственную мощь, окрыленную национальной идеей, "легитимные" и "традиционные" границы.

Государство должно быть революционно, когда и поскольку этого требует

Струве П. Великая Россия filosoff.org
его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку
это подрывает его могущество.

Это "закон", который властвует одинаково и над династиями, и над
демократиями. Он низвергает монархов и правительства; и он же убивает
революции.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!